

ВЕРОНИКА ОЛЬХОВСКАЯ

Иногда, чтобы
найти себя,
нужно уехать
в один конец...

Билет
В ОДИН КОНЕЦ

У Анны.
Кофе и медовик
у маяка

Иногда один билет меняет не только маршрут,

Вероника Ольховская

Билет в один конец.

«Автор»

2026

Ольховская В.

Билет в один конец. / В. Ольховская — «Автор», 2026

Анна прожила в браке двадцать лет и думала, что знает цену семейному счастью: терпение, забота и умение не задавать лишних вопросов. Но в день годовщины всё, что Анна так долго пыталась сохранить, рушится окончательно. С билетом в один конец она уезжает в маленький городок. Там, у старого маяка, Анна находит работу в полуразрушенном гостевом доме, встречает людей, которым тоже пришлось начинать жизнь заново, и впервые за много лет вспоминает о собственной мечте — открыть маленькую кондитерскую-кофейню у моря. Но прошлое не отпускает так просто. Бывший муж пытается вернуть Анну, дочь обвиняет её в разрушении семьи, а старый гостевой дом, ставший для неё новым домом, хотят снести ради элитной застройки. Теперь Анне предстоит сделать главный выбор: снова пожертвовать собой ради чужого спокойствия или впервые встать на свою сторону. «Билет в один конец» — роман о женской судьбе, измене, разводе и праве начать жизнь заново в любом возрасте.

© Ольховская В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Вероника Ольховская

Билет в один конец.

Глава 1

Анна знала об измене уже сорок один день.

Сорок один день — странный срок. Уже не вчера, когда всё ещё кажется ошибкой, дурным сном, случайно увиденным кадром, который можно забыть, если крепко зажмуриться. Но ещё и не целая жизнь, чтобы боль успела стать привычной, как старая трещина на чашке: заметна, но пользоваться можно.

Сорок один день Анна просыпалась рядом с Виктором, слушала его ровное дыхание, чувствовала знакомый запах его крема после бритья, слышала, как утром он отодвигает ящик комода, выбирает запонки, кашляет в ванной, включает воду. Всё было как всегда.

И именно это было страшнее всего.

Дом не рухнул. Стены не треснули. Люстра в гостиной не обвалилась. Часы на кухне продолжали тикать, холодильник урчал, кофемашина шипела, соседский пёс по утрам лаял за окном. Мир не заметил, что в жизни Анны что-то закончилось.

Она тоже делала вид, что не заметила.

Готовила завтраки. Накрывала стол. Ставила перед Виктором омлет именно такой, как он любил: без корочки, с зеленью, но не слишком много, потому что от петрушки, как он однажды сказал, «еда пахнет столовой». Гладила его рубашки. Подбирала галстуки. Отвечала на сообщения знакомых, соглашалась на встречи, покупала продукты, звонила мастеру по поводу посуды.

И складывала внутри себя что-то твёрдое.

Не злость. Злость была бы легче. Её можно выплеснуть, разбить тарелку, хлопнуть дверью, выкрикнуть все слова, которые годами копят под языком.

Нет. Внутри Анны росло нечто другое — тихое, плотное, тяжёлое, как камень на дне моря.

Сорок один день назад она увидела фотографию.

Виктор тогда забыл телефон на кухне. Ничего необычного. Он часто оставлял вещи где попало, потому что знал: Анна всё найдёт, уберёт, принесёт, зарядит, напомним. Телефон лежал на столе рядом с вазой, где стояли белые розы — Виктор купил их утром, не ей, а «просто потому что красиво в холле смотрятся». Экран вспыхнул, когда пришло сообщение.

Анна не собиралась читать.

Она вообще не была женщиной, которая роется в чужих телефонах. Даже спустя двадцать лет брака она всё ещё считала, что у человека должно оставаться пространство, куда другой не лезет без разрешения. Она просто взяла телефон, чтобы отнести Виктору в кабинет.

И увидела на экране имя: Карина.

Ниже — фотография.

Молодая женщина с длинными тёмными волосами сидела на кровати, держа на руках младенца. Ребёнок был завернут в светлый плед. Лицо у него было красное, сморщенное, беззащитное. Карина смотрела не в камеру, а на ребёнка — устало и нежно.

Под фотографией было написано:

«Он сегодня улыбнулся. Весь в тебя».

Анна стояла посреди кухни с телефоном в руке и не могла пошевелиться.

Сначала мозг отказался понимать. Он искал безопасные объяснения, как человек на ощупь ищет выключатель в темноте.

Может быть, это племянник. Может, ребёнок кого-то из сотрудников. Может, Карина — дизайнер, помощница, клиентка, бог знает кто. Может, «весь в тебя» — это шутка. Может...

Телефон снова мигнул.

«Ты приедешь сегодня? Мы скучаем».

Мы.

Это короткое слово ударило сильнее фотографии.

Не «я». Не «мне плохо». Не «позвони». Мы.

У Виктора было «мы» без Анны.

За дверью кабинета послышались шаги. Анна успела положить телефон на стол так же ровно, как он лежал раньше. Успела повернуться к плите. Успела взять ложку и помешать суп, хотя суп уже был готов.

— Ань, телефон мой не видела? — крикнул Виктор.

— На кухне, — ответила она.

Голос прозвучал обычно. Даже слишком обычно.

Виктор вошёл, взял телефон, мельком посмотрел на экран. На долю секунды его лицо изменилось. Совсем чуть-чуть. Не так, чтобы другой заметил. Но Анна прожила с ним двадцать лет. Она знала каждую его складку, каждую паузу между вдохом и словом. Она увидела.

Он всё понял.

И она поняла, что он понял.

— Что у нас на ужин? — спросил он после короткой паузы.

— Суп. Рыба. Салат.

— Отлично. Я голодный как зверь.

Он поцеловал её в висок и ушёл.

Анна продолжала мешать суп, пока рука не заболела.

С тех пор прошло сорок один день.

Сегодня им было двадцать лет.

Двадцать лет брака.

Анна проснулась рано, хотя почти не спала. За окном стояло серое утро, мокрое и тихое. В спальне пахло духами Виктора и дорогим кондиционером для белья. Он спал на спине, чуть приоткрыв рот, уверенный в своей жизни, в своём доме, в жене, которая всё подготовит, всё сгладит, всё удержит.

Анна долго смотрела на него.

Когда-то это лицо казалось ей самым родным на свете. Она помнила Виктора молодым: шумным, красивым, чуть наглым, с блестящими глазами и бесконечными планами. Он умел входить в комнату так, будто свет там зажигался специально для него. В двадцать шесть Анна думала, что за таким мужчиной можно идти куда угодно.

Она и пошла. Только оказалось, что идти нужно было не рядом, а позади.

Сначала это казалось естественным. Виктор строил бизнес, уставал, рисковал. Анна поддерживала. Потом родилась Даша, и стало не до себя. Потом бизнес вырос, появились приёмы, знакомые, обязательства, дом, ремонт, репутация. Потом мечта о маленькой кондитерской у моря стала сначала «потом», потом «когда-нибудь», а потом и вовсе превратилась в смешную деталь биографии.

«Да, я когда-то хотела печь пирожные профессионально», — говорила Анна гостям, улыбаясь.

Гости удивлялись:

— С вашими руками вам надо свою кофейню открывать!

Виктор смеялся:

— Зачем? У неё дома полная загрузка. Да, Ань?

И Анна тоже смеялась.

Сегодня она не смеялась.

Она встала, накинула халат, прошла на кухню и занялась тортом.

Медовик был почти готов. Восемь коржей она испекла заранее, как всегда. Крем настоялся. Верхний слой пропитался особенно хорошо. Анна любила, когда медовик был не сухой, не приторный, а мягкий, тёплый на вкус, будто в нём сохранилось летнее солнце.

Она собрала торт медленно и аккуратно.

Корж. Крем. Корж. Крем.

Восемь слоёв.

Двадцать лет.

Она вдруг подумала, что весь её брак тоже был таким медовиком. Слои терпения. Слои молчания. Слои заботы. Слои чужих желаний. Слои «потерпи». Слои «не сейчас». Слои «ты же понимаешь». Слои «семья важнее».

Только сладким он был в основном для других.

К вечеру гостиная сияла.

Анна сама расставила свечи. Сама натёрла бокалы до прозрачного блеска. Сама проверила скатерть, салфетки, приборы, цветы. В доме пахло запечённым мясом, ванилью, мёдом и дорогим парфюмом женщин, которые пришли поздравлять их с «крепким союзом».

Гости говорили привычные слова.

— Аня, у тебя золотые руки.

— Виктору так повезло.

— Двадцать лет вместе — это сейчас редкость.

— Вы такая красивая пара.

Анна улыбалась.

Она умела улыбаться так, чтобы люди верили. Это тоже был навык, отточенный годами. Улыбнуться, когда Виктор перебивает. Улыбнуться, когда он шутит обидно. Улыбнуться, когда кто-то говорит: «Ваш муж — настоящий добытчик, вам бы только радоваться». Улыбнуться, когда внутри хочется выйти из комнаты и больше не возвращаться.

Даша позвонила по видеосвязи ближе к девяти.

— Мам, поздравляю! — сказала она торопливо. — Я потом нормально позвоню, у нас тут встреча. Папу дай.

Анна повернула экран к Виктору.

— Папочка! — лицо Даши сразу стало мягче. — Поздравляю! Ты у нас герой. Двадцать лет с мамой выдержал.

Все засмеялись.

Анна тоже.

Виктор был в ударе. Он принимал поздравления легко, красиво, с той самой уверенностью, за которую его любили люди. Он рассказывал истории, вспоминал начало бизнеса, шутил, подливал вино. Иногда его рука ложилась Анне на плечо. Для гостей это был жест нежности. Для Анны — знак собственности.

Ближе к концу вечера Лена, её старая подруга, наклонилась к ней и тихо спросила:

— Ты как?

Анна посмотрела на неё.

Наверное, Лена что-то чувствовала. Женщины часто чувствуют больше, чем говорят. Особенно те, кто видел тебя не только в красивом платье за праздничным столом, но и с распухшими глазами на кухне, в старом халате, когда жизнь не надо изображать.

— Хорошо, — сказала Анна.

Лена не поверила, но промолчала.

Потом Виктор поднялся с бокалом.

Он постучал ножом по хрусталу. Комната стихла.

Анна стояла у двери кухни. В руках у неё был медовик. Большой, ровный, красивый. Такой торт нельзя было купить ни в одной кондитерской. В нём было слишком много времени, терпения и рук.

— Друзья, — начал Виктор. — Двадцать лет — это не шутки.

Кто-то умилённо вздохнул.

— Двадцать лет рядом с человеком, который...

Он сделал паузу. Красивую, уверенную паузу человека, привыкшего, что все ждут его слов.

Анна смотрела на него.

Виктор поднял бокал чуть выше.

— За тебя, Кариночка.

Сначала ничего не произошло.

Точнее, произошло всё, но не сразу.

Улыбки ещё держались на лицах гостей. Секунду. Две. Кто-то даже начал хлопать, не поняв. Потом хлопок оборвался. Лена прижала ладонь ко рту. Муж её опустил глаза. Женщина в синем платье медленно поставила бокал на стол.

Виктор моргнул.

До него дошло.

— Анечка, конечно! — громко сказал он и засмеялся. — Что вы, перепил уже. Анечка.

Он хотел сделать вид, что это пустяк.

И, может быть, у него получилось бы. Раньше получилось бы. Анна помогла бы. Улыбнулась бы, сказала бы: «Вот видите, совсем мужа загоняла». Гости засмеялись бы с облегчением. Потом она ушла бы на кухню, закрыла дверь и стояла бы там, держась за столешницу, пока не перестанет кружиться голова.

Но сегодня что-то изменилось.

Виктор, всё ещё пытаясь вернуть лёгкость, добавил:

— Их же всех не упомнишь.

И вот тогда в Анне оборвалась последняя тонкая нитка.

Не громко. Без треска. Просто — всё.

Она вдруг увидела комнату так ясно, как не видела никогда. Свечи. Бокалы. Лица. Чужое смущение. Жалость. Неловкость. Страх людей, которые стали свидетелями чужого унижения и теперь не знают, куда деть глаза.

Двадцать лет Анна боялась именно этого взгляда.

Взгляда, который говорит: «Бедная».

Она молчала сорок один день ради того, чтобы этого взгляда не было. Ради Даши. Ради дома. Ради фамилии. Ради красивой картинки, в которой у всех всё прилично.

И вдруг оказалось — не страшно.

Совсем.

Анна прошла к столу. Каблуки мягко стучали по паркету. Она поставила медовик в самый центр, ровно, красиво, как ставила всегда. Взяла нож.

В комнате было так тихо, что слышно стало, как горит свеча.

Анна отрезала первый кусок. Идеальный срез. Восемь блестящих слоёв. Положила его Виктору на тарелку.

— Самый верхний слой я пропитала ещё позавчера, — сказала она спокойно. — Чтобы успел.

Виктор смотрел на неё с растерянной улыбкой.

— Ань, ну ты чего...

— Я вообще всё в этом доме делала заранее.

Она аккуратно вытерла нож салфеткой. Положила рядом с тарелкой. Посмотрела на гостей.

— Приятного вечера, — сказала Анна. — Торт удался.

Лена всхлипнула.

Виктор резко поднялся.

— Анна, не устраивай сцен.

И это было последним подарком, который он мог ей сделать.

Потому что Анна вдруг поняла: даже сейчас он думает не о ней. Не о боли. Не о сорока одном дне её молчания. Не о женщине по имени Карина. Не о младенце на фотографии.

Он думает только о сцене.

О том, как выглядит.

Анна улыбнулась.

Не зло. Не торжествующе. Почти нежно.

— Я больше не буду устраивать ни сцен, ни твою жизнь, Виктор.

Она вышла из гостиной.

В коридоре было темно и прохладно. Из комнаты за спиной неслись приглушённые голоса. Кто-то позвал её. Может быть, Лена. Может быть, Виктор. Она не обернулась.

В спальне Анна сняла платье, аккуратно повесила его на спинку кресла. Надела джинсы, свитер, удобные туфли. Достала старую дорожную сумку, которую не брала со времён поездки к морю, когда Даше было семь.

В сумку легли паспорт, немного денег, бельё, кофта, зарядка для телефона.

Потом Анна остановилась.

Она стояла посреди кухни, где всё было знакомо до боли: полка со специями, набор ножей, белая плитка, медная турка, форма для коржей на верхней полке. Старая жестяная форма, потемневшая от времени. Её подарила ещё мама, когда Анна окончила училище.

«Для твоей будущей кондитерской», — сказала тогда мама.

Анна взяла форму.

Единственную вещь из кухни.

В прихожей она задержалась на секунду. Дом дышал чужой жизнью. Там, за стеной, люди доедали её торт, обсуждали её уход, придумывали объяснения, жалели, осуждали, удивлялись.

Анна открыла дверь и вышла. Ночь была холодной.

Она не знала, куда идёт, но это незнание показалось ей не ужасом, а воздухом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.